

Данил Юртаев

Озарение: Утро

Данил Юртаев

Озарение: Утро

<https://litres.ru/74585579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тьма за океаном оказалась не армией и не зверем — она была Утратай: силой, которая стирает не жизнь, а вчерашний день. Города пустеют, люди уходят в море, забыв, зачем жили. Барон Эльм Грейсгард строит не флот войны, а флот памяти, и ведёт его туда, где кончается мир. На чужом берегу он сеет свет — школы, маяки, песни — и понимает: победить Утрату нельзя, но можно стать тем, кого она не возьмёт. Чтобы спасти то, что осталось, Эльм отказывается от собственного имени и превращается в звук, в дыхание, в форму, которую нельзя стереть. Третья книга трилогии «Озарение» — о том, что свет не принадлежит никому. Он принадлежит тому, кто его сеет. Даже во тьме.

Данил Юртаев

Озарение: Утро

ОЗАРЕНИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ: УТРО

Фэнтези-роман

Третья книга трилогии

Первая книга была о том, как один человек увидел свет. Вторая — о том, как свет увидели все. Третья — о том, что свет не принадлежит никому. Он принадлежит тому, кто его сеет. Даже если сеять приходится во тьме.

«Свет не живёт в лампах. Свет живёт в тех, кто его несёт».

«Озарение. Книга третья: Утро»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Вопрос, который задают детям

Пролог. Вопрос, который задают детям

Часть первая. Полночь

Глава 1. Небесный календарь

Глава 2. Пётр де морней

Глава 3. Сёстры

Глава 4. Верфи

Глава 5. Порт без имён

Часть вторая. Разлом

Глава 6. Вольфгаг

Глава 7. Правда и ложь

Глава 8. Совет девяти

Часть третья. Плавание

Глава 9. Тяги

Глава 10. Тобиас

Глава 11. Берег

Часть четвёртая. Утро

Глава 12. Свет и тень

Глава 13. Года

Эпилог. Последняя страница

Послесловие автора

ПРОЛОГ

Вопрос, который задают детям

У каждого мира есть вопрос, который он задаёт себе, когда думает, что никто не слушает. Мир звероловов спрашивал: «Когда уйдёт мерзлота?» Мир людей спрашивал: «Почему у меня меньше, чем у соседа?» Мир демонов спрашивал: «Что за туманом?»

И только время — старое, честное, безымянное время — не спрашивало ничего. Оно шло. Через зимы и урожаи, через королей и рабов, через книги и цепи. Оно шло во тьму,

которая лежала за океаном, и во свет, который горел на трёх материках, и оно не различало одно от другого, как не различает рука, засеивающая поле, зёрна пшеницы и зёрна плевел.

Но теперь время изменилось.

Теперь оно несло не только весну и смерть, не только сев и жатву. Теперь оно несло — забвение. Тьма за океаном была не армией и не зверем. Тьма была тем, что остаётся, когда забывают последнего, кто помнил. И она шла не на города — на память.

У человека, который забыл вчерашний день, есть имя и руки, но нет завтра. У города, который забыл, зачем он стоит, есть стены, но нет смысла. У мира, который забыл, что свет когда-то был, — есть тьма. Навсегда.

Против этого не строят стен. Против этого не куют мечей. Против этого есть одна защита — та же, что была всегда, с тех пор как первый человек сказал второму: «Запомни».

Запомни. Запиши. Передай.

Спой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Полночь

ГЛАВА 1

Небесный календарь

Зима после встречи с Игнионом была самой странной в моей жизни. Я знал, что мир движется, — и знал, что мир об этом не знает. Страх, который не называют по имени, страшнее любого названного: он грызёт исподтишка, как крыса в

амбаре.

Я решил назвать его.

К весне вышла книга — не «Основы», не «Вести». Она называлась «Небесный календарь». Сорок страниц: карта звёзд, какой она была три года назад; карта звёзд, какая стала теперь; и — между ними — разница, отмеченная точками, которые сместились на палец. Я не писал в ней про тьму. Я писал только про звёзды — потому что звёзды нельзя запретить и нельзя перекричать. Звёзды — это цифры, которые пишет само небо.

Тираж был три тысячи. Копии ушли в школы, в порты, в монастыри, к капитанам. К каждой я прикладывал одну инструкцию: «Выйдите ночью на поле. Найдите Пастуха — три звезды по диагонали над горизонтом. Сверьте с картой. Если не совпадает — вы видите правду».

И по всему первому материку, по портам второго, по берегам, где демоны выходили из тумана, который больше не был вечным, — люди выходили ночью на поля. Крестьяне, школьники, капитаны, монахи. Смотрели. Сверяли. И молчали.

А молчание — это не согласие. Молчание — это человек, который держит в руках знание и решает, что с ним делать.

Решали по-разному. Один монах из аббатства Святого Бернарда — того самого, откуда изгнали Тобиаса, — послал аббату письмо: «Отцы, звёзды сошли с мест, назначенных им Святым Писанием. Я не знаю, что это значит. Но я знаю,

что значит молчать, когда знаешь. Прошу совета». Письмо переписали от руки в четырёх монастырях, прежде чем его сожгли. Сожгли — а переписали. Это и есть природа слова: его нельзя сжечь до конца, пока жив хоть один переписчик.

Купец из порта Тарен, что на юге, не писал писем. Он напечатал свой листок — у него был свой станок, купленный у Грейсгарда за серебро, — и листок назывался «Что я видел ночью». Тираж — пятьсот. Он не писал про тьму, про конец света, про ересь. Он написал: «Звёзды сдвинулись. Я не знаю почему. Знаю только, что барон Грейсгард не крал звёзды — никто не может украсть звёзды. Поэтому вопрос не "кто виноват". Вопрос — "что делать"». Купцы — народ практичный. Они первыми поняли: если небо двигается, то двигаются и берега, и ветра, и морские пути, а значит, вопрос «что делать» — это вопрос денег. И выживания.

А в Аэтербурге совет герцогов собрался на второе заседание за зиму — и на этот раз никто не спорил про станок.

Третий лик

Спорили про другое.

Герцог Эдвард — старый, который помнил ещё короля Фридриха Первого, — сидел, опираясь на посох, и говорил медленно, как говорят те, кто завещает:

— Я прожил семьдесят лет и никогда не думал, что буду бояться неба. Мой дед боялся соседей. Мой отец — голода. Я боялся герцога Вольфганга. А теперь, выходит, надо бояться звёзд. Скажите мне, барон Грейсгард: это правда? Звёзды

двигаются?

Эльм встал. Он держал в руках «Небесный календарь» — потёртый, читанный, с пометками на полях, сделанными чужой рукой, что было лучшим знаком: книгу читали, а не хранили.

— Правда, ваше превосходительство. Я видел сам — три зимы подряд, через одну и ту же медную трубу, из одной и той же кузницы. Смещение — на палец. Не больше и не меньше.

— И что это значит?

— Честно: я не знаю. Я знаю, как движутся колёса, вода, звёзды на их кругах — они движутся всегда, это их природа. Но это движение — другое. Оно не по кругу. Оно — в одну сторону. Как будто весь небосвод — это занавес, и кто-то тянет его.

— Кто? — спросил Эдвард.

— Вот этого я не знаю, — сказал Эльм. — Знает Игнион. И я верю ему не потому, что он мой друг. Он не мой друг. Я верю ему, потому что его народ тысячу лет держал туман, чтобы не пускать то, что идёт. Тысячу лет — это дольше, чем наше королевство. Народ не держит бессмысленную стену тысячу лет.

Молодой герцог — не из старых, из новых, назначенных королём, — сказал то, что думали многие:

— Может, начать с этого Игниона? Туман был — теперь его нет. Может, он сам и выпустил то, что идёт? Сначала

шептал — теперь звёзды двигает. Кто проверит?

Тишина была долгой. Потом встал Сильвестр — папа приехал на совет сам, что случилось раз в поколение, — и сказал негромко:

— Я проверю.

— Как? — спросил герцог.

— Исповедью, — сказал Сильвестр. — Вы смеётесь, молодой человек, а я — нет. Я стар, я скоро умру, и мне нечего терять, кроме репутации, которую я уже потерял дважды: первый раз — когда стал невидимым при Клименте, второй — когда стал видимым при Изольде. Я поеду к Игниону. Не с войском, не с дарами — с вопросами. И когда я вернусь, я скажу вам, лжёт ли он. Если лжёт — я скажу это всем, и моя цена станет вашей защитой. Если не лжёт — я скажу это всем, и моя цена станет вашей верой. В обоих случаях вам нужна моя цена больше, чем моё благословение.

Он сел. Совет молчал. А Эльм смотрел на старика и думал, что этот средний, серый, невидимый человек делает то, чего не делал ни один король, ни один герцог, ни один барон: он ставит свою голову как гарантию.

Потому что полному человеку нечего терять. А все, кто имел что терять, молчали.

ГЛАВА 2

Пётр де морней

Пётр де Морней печатал.

У него был станок — купленный тайно, через третьи ру-

ки, у мастера, который не спрашивал, для кого куют литеры. Был типографщик — выгнанный из Грейсгарда за воровство чернил, злой на весь мир. Были деньги герцога Вольфганга. И была ненависть — то единственное топливо, которое не требует ни леса, ни угля, ни воды.

Его листки ходили по южным провинциям быстрее королевских гонцов. Они назывались просто: «Голос Истины». И в них была одна мысль, отточенная, как лезвие:

«Звёзды не двигаются. Звёзды — слово Божье, а слово Божье не двигается. Двигается ложь. Барон Грейсгард и папа Сильвестр выдумали конец света, чтобы держать вас в страхе — как держали всегда. Спросите себя: кто выигрывает, если вы боитесь? Те, кто зовёт вас строить флот. Флот — это налог. Страх — это налог. Конец света — это налог. Не платите».

Де Морней был умнее любого еретика. Он не отрицал Грейсгард целиком — он отрицал только небо. Мельницы? Пусть будут, мельницы — это хлеб. Школы? Пусть будут, грамота — это правда Божья. Но звёзды... звёзды он вычёркивал. И его листки попадали туда, куда «Вести Грейсгарда» не долетали: в деревни, где не умели проверять, в города, где не было телескопа, в головы, которые искали, за что не платить налог.

Вольфганг читал «Голос Истины» в своём замке и улыбался без улыбки. Он понимал арифметику лучше де Морнея: страх перед звёздами собирал его друзей быстрее, чем

любая сделка. Каждый, кто не хотел платить за флот, шёл к Вольфгангу — не потому, что верил в его силу, а потому, что не хотел верить в свою слабость. К концу зимы его союз насчитывал два герцогства и одиннадцать баронов. Они не собирались воевать с королём. Они собирались ничего не делать — и в этом ничего-делании была их сила.

— Печатать больше, — сказал Вольфганг де Морнею. — Напиши: флот — это подать. Напиши: строители кораблей — это новые бароны, которые заберут ваши поля. Напиши: тьма — это сказка для дураков.

— А если не сказка? — спросил де Морней. Он был осторожнее своего хозяина.

— Тогда сказка закончится раньше, чем кончится моя власть, — сказал Вольфганг. — А если она кончится позже — я всё равно буду тем, у кого была власть. Видишь ли, Пётр, я понял одну вещь. Все боятся конца света. Но больше всех его боятся те, кто решил, что он не наступит. Им приходится не верить громче всех.

Де Морней кивнул и пошёл писать. Он умел писать громко.

А через неделю к Вольфгангу пришло письмо — не от де Морнея, не от герцогов. Оно пришло с востока, из-за моря, без печати, на языке, которого Вольфганг не знал. Переводчик прочёл — и побледнел.

Письмо было от демонов из тумана. Тех, кто не ушёл с Игнионом. Оно содержало не угрозу и не предложение.

Оно содержало дату.

ГЛАВА 3

Сёстры

Обоз с юга пришёл в Грейсгард в марте — сорок повозок, триста человек. Не торговый обоз — переселенческий. Юг первого материка пустел: те, кто мог, уходили на запад, к Грейсгарду, потому что здесь была работа, школы и — что важнее — никто не спрашивал, откуда ты.

Среди переселенцев была старая женщина. Ей было, на вид, под шестьдесят; волчьи уши, поседевшая шерсть, шрам поперёк ладони. Она шла в самом конце обоза и несла не вещи — вещи у неё были: котомка и котомка, — а зеркальце в медовой оправе, треснувшее. Она несла его так, как несут икону.

Рагн узнал её за полвёрсты.

Я видел это со стены. Он стоял у ворот — и вдруг вся его поза изменилась, как меняется зверь, почуявший кровь: хребет выпрямился, уши встали, и он рванулся через двор так, что я успел подумать только «стража, не стреляйте» — и не успел крикнуть.

Он добежал. Он остановился в трёх шагах от женщины. И они стояли друг против друга и молчали — а двор молчал вместе с ними, потому что всякий, кто живёт в городе, где по вечерам поют, умеет молчать, когда молчание — это песня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.